

Явное несогласие вызвали у Блока и другие «признаки культуры», выделенные авторами, такие, как крайняя специализация и разделение труда; «прогрессивная *механизация* человеческой деятельности, и вместе с ней *восприятий и даже творчества*» (стр. 40. Это место подчеркнуто, как показано выше, отчеркнуто на полях чертой и поставлен «!»); «цельная *механизованная этика*, в частности, *механизованный героизм*» (стр. 43. Подчеркнуто, отчеркнуто на полях и поставлен «!»).

Не только культурное общество будущего Полетаев и Пунин хотели бы построить по принципу работающей безотказно машины, механизировать они мечтали самого человека, его мозг, его психику. «Строгая организованность и *механизованность жизни и деятельности*, — писали авторы вышеупомянутой книги, — создаст иные условия эволюции человеческого мозга: станет возможна *некоторая дезинтеллектуализация*, частичное притупление интеллекта за счет интенсификации инстинкта, т. е. разума организованного и наивного» (стр. 41. Подчеркнуто Блоком, как показано выше, на полях отчеркнуто и поставлено два восклицательных знака).

Как бы полемизируя с определением человека как «животного технического» (стр. 40), данного в книге «Против цивилизации», Блок в «Крушении гуманизма» писал: «Весь человек пришел в движение, он проснулся от векового сна цивилизации; ... формируется новый человек; человек — животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в *артиста*, говоря языком Вагнера» (6, 114).

В то же время нельзя забывать, что идеал «человека-артиста» не был до конца ясен самому Блоку, ибо поэт не видел конкретных путей создания из неорганизованной темной стихийной массы «новой человеческой породы» (6, 115). К тому же реальный герой революции, как тип сознательного борца, оставался за рамками его концепции «человека-артиста».

Блоку были совершенно чужды попытки авторов книги исключить из будущей жизни высокие человеческие чувства и благородные порывы, их стремление основать новый общественный организм не на гармонической, по его терминологии, «музыкальной» основе, а исключительно на принципе механизации. Он отчеркнул двумя чертами и поставил на полях два восклицательных знака, особо подчеркивая некоторые слова в следующем тексте: «Не состраданием и не любвеобильностью, а интенсивностью труда и творчества, честностью мысли и *механичностью героизма* земля наших потомков, будущее высоко культурное общество будет определять подлинное благородство своих *безлюбых индивидов*» (стр. 43, 44).

Полетаев и Пунин принижали чувство любви, видя в нем «пережиток» цивилизованных изнеженных обществ. В будущем культурном обществе, по их мнению, «исчезнет любовь, как культ или идеализация мужчины и женщины... Любовь в культурном обществе возможна только как наслаждение в широком смысле слова» (стр. 44. На полях отчеркнуто Блоком и поставлен «!»).

Авторы книги «Против цивилизации» выступали за механизированную, обезличенную и обездушенную культуру, из которой исключали сферу эстетического, сферу искусства. «Французское искусство, — писали они, — по преимуществу эстетическое искусство и уже одним этим оно свидетельствует об антикультурных тенденциях французского художественного творчества. Эстетизм... всегда является следствием углубленного индивидуализма, обостренного анархизма и высокой импульсивности, которые в сумме дают крайне неблагоприятную для культуры среду» (стр. 84).

Полетаев и Пунин увидели в успехах и достижениях современного искусства вред для культурного развития общества. «... Искусство, как таковое, — утверждали они в своей книге, — не может и не должно служить мериллом культурного значения страны, высокий расцвет искусства сам по себе еще ничего не говорит о высоких формах прогресса. Скорее наоборот, там, где процветают искусства, там наверное недостает организации» (стр. 84).